

ОТ АВТОРА

Помещаемые в настоящем томе «Литературного наследства» разыскания в области русско-английских взаимосвязей имеют свою длительную историю, основные этапы которой следует довести до сведения читателей нижеследующих страниц. Более трех десятилетий тому назад член редакции «Литературного наследства» И. С. Зильберштейн, являющийся душой этой им же организованной и выпестованной серии историко-литературных сборников, обратил мое внимание на несколько чрезвычайно ценных неопубликованных литературных документов, обнаруженных им в различных архивах и книгохранилищах. С первого же взгляда, брошенного на эти рукописи, становилось ясно, что их необходимо изучить и издать. Это были еще неизвестные исследователям автографические тексты произведений и писем Байрона, Вальтера Скотта и других английских писателей XVIII—XIX вв. Первоначально возникла мысль обработать эти материалы для нескольких не связанных друг с другом публикаций и поместить их в очередных томах «Литературного наследства». Однако подготовка к печати всех найденных материалов натолкнулась на значительные и частью непредвиденные трудности: составление необходимого комментария к отдельным документам, датировка их, когда она отсутствовала на самих рукописях, установление истории каждой из них, определение времени их поступления в книгохранилища и т. д., — все это требовало довольно длительного времени и усилий, призывая автора данных строк не слишком торопиться с завершением их подготовки к печати и опубликованием.

Между тем находки аналогичных документов, в свое время пренебреженных исследователями, продолжались во все возрастающем количестве в результате предпринятых автором и И. С. Зильберштейном систематических поисков в ряде наиболее значительных музеев, архивов и книгохранилищ нашей страны и за рубежом. Результаты этой работы, продолжавшейся несколько лет, были еще более неожиданными. Оказалось, что между отдельными найденными рукописями, разновременными и, как представлялось, случайными, существует сложная внутренняя связь, а сами они зачастую являются важными и заметными звеньями в целой цепи устойчивых личных контактов или творческой зависимости между русскими и английскими поэтами и литераторами во все указанное время. Удалось установить, когда и по каким причинам эти документы попали в русские архивы или автографические коллекции, что вызвало интерес к их приобретению или долголетнему хранению, какие отношения связывали между собою английских и русских корреспондентов, что волновало или воодушевляло их, когда они посылали свои письма из городов Англии в русские местности или обратно и т. д. Выяснилось, например, что у Байрона был небольшой круг русских знакомых в Англии, Италии и Греции, что Вальтер Скотт, сильно интересовавшийся Россией в эпоху Наполеоновских войн, имел довольно много корреспондентов и что среди них были известные русские писатели и поэты... Так, постепенно, из естройной, беспорядочной массы документов, находящихся в различных государственных хранилищах и частных коллекциях, выступала, прорисовывалась и определялась основная тема настоящей работы, образовывались заглавия и естественные центры составляющих ее глав, а вокруг этих центров располагались накапливающиеся материалы.

Сведения о находках неопубликованных английских рукописей и готовящемся их издании постепенно просачивались и в печать, советскую и зарубежную¹, и вызывали неоднократные запросы, все более настойчивые, поступавшие в редакцию «Литературного наследства» и к автору настоящей работы из стран Западной Европы и Америки, — где и когда будут опубликованы новонайденные материалы. Однако, ответы на это оставались неясными и неопределенными; лишь однажды, в 1952 г., уступая зап-

росам подобного рода, автор предоставил редакции «Литературного наследства» для печати фрагмент из своего тогда еще незавершенного труда — о хранящихся у нас автографах Байрона; эта публикация со временем ожидалась воспроизведением рукописей, хранящихся в Москве и в Ленинграде².

В 1963 г. автору удалось побывать в Великобритании для занятий в библиотеках и архивах Лондона, Оксфорда, Кембриджа, Эдинбурга и других городов, что в значительной степени способствовало обогащению данного труда по истории русско-английских литературных связей новыми сведениями, заимствованными из архивных документов и редких изданий, отсутствующих в наших библиотеках.

Хотя в первом варианте настоящее исследование было готово к печати еще в 1946 г., в двух томах, в которых очерки русско-английских взаимосвязей доведены были до конца XIX в., но в то время публикация этих томов не могла быть осуществлена. В последующие годы продолжались находки новых документальных материалов, а вместе с тем совершенствовалась и рукопись этой книги; в конце концов она стала слишком объемной, громоздкой и затруднительной для опубликования в целом; помимо этого, за эти годы автор нередко был отвлекаем от внесения в эту рукопись дополнений и поправок другими очередными литературными трудами, требовавшими к себе полного внимания. В настоящее время публикуется лишь первый том исследования.

Приведенная выше краткая справка может объяснить читателю как структуру, так и некоторые другие композиционные особенности настоящей работы; иногда, в силу необходимости приходилось вставлять в примечания такие материалы, естественное место которых было в тексте: этими же причинами объясняется неодинаковый объем отдельных глав, продиктованный наличием тех или иных неопубликованных ранее документальных материалов, которые подлежали включению в соответствующие главы. Некоторые материалы (например, связки писем и архивных бумаг) оказались столь громоздкими, что пришлось отказаться от публикации их в полном виде (притом в двойном объеме — на языке подлинника и в русском переводе) и печатать их лишь в более или менее пространных выдержках.

В силу всего вышесказанного данное исследование не может претендовать ни на полноту затронутых в нем вопросов истории русско-английских связей за указанный период, ни на систематический характер изложения. Автор пришел к убеждению, что полная, подробная, достаточно широко документированная история русско-английских отношений, культурных и литературных, а также их взаимодействий за несколько столетий их существования, еще не может быть написана. Такая задача потребует еще многих этюдов и предварительных изысканий, прежде чем удастся восстановить все наиболее существенные этапы развития этих связей, назвать всех важнейших участников англо-русского сближения прошлого времени, предать им всестороннюю характеристику, произвести необходимый социально-исторический анализ причин, вызывавших обоюдный интерес друг к другу литературных деятелей этих стран... Изучение всех перечисленных и ряда других вопросов безусловно потребует еще многих лет напряженного труда, и решение их едва ли будет достижимо единичным, а не сплоченным усилием исследователей, не только потому, что подлежащий изучению материал известен еще недостаточно³, но прежде всего потому, что для его обнаружения требуются предварительные длительные розыски.

Особо следует пояснить, каких принципов и способов придерживался автор нижеследующей работы при транскрибировании английских слов и собственных имен. Как известно, практика их транскрибирования доныне не может считаться у нас окончательно установленной и общепринятой, а лежащие в их основе теоретические соображения до сих пор вызывают несогласия и споры, хотя неоднократно служили предметом особого внимания как переводчиков, так и специалистов-языковедов⁴.

В последнее время у нас получили распространение такие способы передачи английских слов русской азбукой, какие обеспечивают им максимальное приближение к фонетическим и орфоэпическим особенностям языка-оригинала. Но эта практика оказалась неустойчивой, так как она прибегает к явному насилию над русским языком и привычной системой его орфографии. Кроме того, такая тенденция то в сильной, то в ослабленной форме возникла у русских переводчиков с английского: несколько раз в течение всего XIX в. и позже, но всегда вызвала сомнения, досаду и полемику. Из

сравнительно недавнего прошлого вспомним плачевный опыт «Каталога» издательства «Всемирная литература» (1919), пытавшегося внедрить в перечень английских писателей XIX в. вместо широко известного русским читателям Теккерей некоего уродца «Сакри»... Однако, аналогичные эксперименты делались у нас и значительно раньше. Приведем хотя бы несколько примеров. Публикуя переведенную с французского языка статью Филарета Шаля «Нынешняя английская словесность», русский журнал 1839 г. снабдил ее следующим примечанием редакции: «Почитаем за нужное прибавить здесь, что английские имена пишем мы *приблизительно*, не следуя забавному усилению одних выразить их русскими буквами, после чего пришлось бы писать: Wordsworth — Уордсуорт, и все-таки мы не выразили бы вполне английских букв w и th»⁵. Более десятилетия спустя можно было прочесть в другом русском журнале следующее заявление: «У нас в моде писать теперь некоторые иностранные слова, как они на своих языках пишутся; особенно англичане заставляют наших литературных франтов ломать языки без милосердия, и Уильямы, Ульки, Гоуики раздирают нам уши, хоть от того ни знаем, ни пишем мы лучше ни по-русски, ни по-английски. Но ничто не ново под луною, и курьезы такие бывали у нас в прошедшем столетии, и в 1790 г. напечатано было в Петербурге у Шнора «Описание хода купеческих караванов в степной Аравии, перевод с *Англишского языка*»⁶.

Заметим, однако, что в XVIII — начале XIX в. русские слова, служившие наименованием английского народа и принадлежности к нему, несколько раз меняли свою орфографию. В статье В. В. Виноградова «Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева» приведено интересное сопоставление авторской правки стихотворения этого поэта в его изданиях, подтверждающее изменение прилагательного «английский» на протяжении нескольких лет⁷. Первоначальная форма этого слова, вошедшая в словарь начала XVIII в., была «аглицкий»⁸. В соответствии с этим одно из стихотворений Дмитриева имело в первой его публикации следующие строки:

А от нее ведь три шага
До *аглицкого* магазина.

(«Московск. журнал», 1792, V, 160;
ср. 1802, V, с. 155)

В следующем издании автор эту строку переправил:

А от нее ведь три шага
До *аглинского* магазина.

(Соч. И. И. Дмитриева, 1803,
II, с. 9)

А еще десятилетие спустя эта строка автором исправлена вновь:

А от нее ведь три шага
до *английского* магазина.

(Соч. И. И. Дмитриева, 1804,
II, с. 110).

Вопрос о различных способах написания английских слов рассматривается в известной статье Я. К. Грота «Спорные вопросы русского правописания», долгое время считавшейся непререкаемой⁹.

Против исторического подхода к вопросам транскрипции иностранных слов, обоснованного Я. К. Гротом, трудно что-либо возразить, тем более, что необходимо иметь более подробные сведения о закономерности различных способов транскрипции и о времени их возникновения. Но, конечно, вся проблема этим отнюдь не решается. Например, при оценке правомерности и привычности тех или иных транскрипций английских собственных имен, дававшихся у нас в XIX в., следует иметь в виду изменения, которые произошли в их произношении в самой Англии.

Впрочем, здесь не место вдаваться в большие подробности сложной и специальной проблемы. Приведенные выше примеры должны были с достаточной ясностью представить, что с точки зрения автора настоящей работы, не было никакой необходимости

придерживаться в тексте слишком модернизованных, модных в настоящее время, транскрипций. Автору представляется правильной точка зрения, высказанная Л. А. Булаховским: «Русское письмо не стремится точно сохранить иностранные написания. В общем оно ориентируется на установившееся в языке произношение соответственных заимствованных слов, до некоторой только степени делая уступку графико-этимологическому принципу...»¹⁰

Было бы затруднительно назвать здесь многочисленные имена всех лиц, оказавших помощь автору словом и делом в годы написания этого труда. Не могу, однако, не вспомнить с особой благодарностью энергичную и действенную поддержку, которую автору оказал И. С. Зильберштейн во все долгие годы, когда задумывалась и создавалась эта работа, — то подавая неоценимую помощь и содействуя при отыскании рукописных неопубликованных материалов, то укрепляя надежду автора, нередко угасавшую, в том что эта большая книга будет издана; и, наконец, взяв на себя нелегкий труд по его редакционному просмотру перед сдачей в издательство. Приношу мою искреннюю благодарность Дирекции и Ученому совету Института мировой литературы им. А. М. Горького в Москве, не только утвердивших к печати рукопись данной работы, но и великодушно предоставивших для нее страницы отдельного тома «Литературного наследства». Со словами сердечной признательности я хотел бы обратиться к Дирекции и сотрудникам Рукописного отделения, Библиотеки и Музея Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР в Ленинграде, всегда шедшим навстречу всем моим разысканиям и охотно дававшим разрешение на публикацию рукописей из богатейшего собрания института и редких печатных изданий его библиотеки и музея. С искренней признательностью вспоминаю также неизменную отзывчивость и заботливую внимательность Дж. С. Г. Симмонса (J. S. G. Simmons, Оксфорд), которому автор обязан многими справками и ксерокопиями редчайших книг из многих музеев и старейших библиотек Англии. Не могу не назвать здесь еще с чувством глубокой горечи и благодарности имя безвременно погибшего Эойна МакУайта (Eoin MacWhite; Дублин — Гаага), члена Ирландской Академии наук и прекрасного знатока ирландской истории и древностей; с неизменной готовностью он присылал мне книги из своей библиотеки для пользования ими, по собственному почину списывал для меня копии с бумаг ирландских архивов, очень обогатившие последнюю главу настоящей работы о Томасе Муре.

М. П. Алексеев

Ленинград
декабрь 1979

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: «Britain and Russia. Unpublished letters discovered in Soviet Archives». — «The Observer», 1935, 3 november. См. также мою обзорную статью — «British Manuscripts in Russia». — «The Times Literary Supplement», 1946, N 2, 329 (21 sept.), p. 451.

² М. П. Алексеев. Автографы Байрона в СССР. — ЛН, т. 58. М., 1952, с. 949—998.

³ О целых массивах разнообразных материалов документальной «россики», хранящихся в Англии и ожидающих опубликования, можно составить себе представление из ряда ее обзоров, появлявшихся в русской печати.

⁴ Из большой русской литературы, посвященной этим вопросам, назовем хотя бы следующие работы: В. Э п ш т е й н. Опыт транскрибирования звуков английского языка при помощи русского алфавита. М., 1940; Л. В. Щ е р б а. Транскрипция иностранных слов и собственных имен. — «Известия комиссии по русскому языку АН СССР», т. I. Л., 1934, с. 187—196; А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Практическая транскрипция иноязычных собственных имен. — «Известия ОЛЯ Академии наук СССР», 1960, т. XIX, вып. 6, с. 530; В. И. К у з н е ц о в а. Фонетические основы передачи английских собственных имен на русском языке. Л., 1960; А. В. С у п е р а н с к а я.

Словари русской транскрипции иноязычных собственных имен.— «Лексикографический сборник». вып. IV. М., 1960, с. 120—124.

⁵ «Сын Отечества», 1839, т. VIII, март — апрель, отд. IV, с. 1—49.

⁶ «Москвитянин», 1851, т. V, № 19—20, отд. VII. Смесь, с. 295.

Книга, названная здесь, действительно существует (см. В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ред. В. Н. Рогожина, т. IV, № 7783); переводчиком ее был Ф. В. Каржавин, интересовавшийся вопросами транскрипции иностранных слов русским алфавитом. В 1791 г. он издал в своем переводе «Краткое известие о достопамятных приключениях капитана Д'Сивилля»; к этой книжке он приложил небольшой собственный трактат «Примечания о неправильном выговоре и писании многих иностранных слов» (с. 20—35), в котором снова защищал орфографическую форму слова «англишский».

⁷ Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. М.—Л., 1940, с. 238.

⁸ В. Н. Макаеева. Неизвестный отрывок первого издания академического словаря.— «Лексикографический сборник», вып. VI. М., 1963, с. 95. Из приведенного здесь фрагмента словаря 1735 г. видно, что тогда при слове «Англия» были нормой слова «англинский», «агличанин».

⁹ Я. К. Грот. Труды, т. II. СПб., 1899, с. 768.

¹⁰ Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Изд. 2. Харьков, 1931, с. 214—216. Близкой точки зрения придерживались и русские грамматисты первой половины XIX в., например, Н. И. Греч («Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем». СПб., 1827, с. 550—561: «Правописание слов иноязычных»; ср. его же статью: «Азбука сравнительная» — в кн. «Энциклопедический лексикон», т. I. СПб., 1835, с. 233—238: «Несколько замечаний о том, каким образом можно и должно удобнее всего выражать русскими буквами звуки других европейских языков, древних и новых».